

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 20-го Апрѣля 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9365.

Президиумъ Государственной Думы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЬ.

(НАБРОСОКЪ).

Вечеромъ, на третій день Пасхи, Криницкій раздумывалъ, куда бы ему пойти: въ оперу или въ оперетку? Въ опереткѣ шла „Веселая вдова“, въ оперѣ—„Гугеноты“; обѣ эти вещи онъ слышалъ по нѣсколько разъ, и поэтому его не тянуло никуда. И вдругъ онъ вспомнилъ, что какъ разъ на сегодня приглашенъ на литературный вечеръ къ Батьковымъ. У Батьковыхъ Криницкій не любилъ бывать, такъ какъ страшно скучалъ тамъ всегда. У нихъ въ домѣ постоянно толпилось много народу: литераторы, художники, артисты, музыканты, химики, натуралісты и т. п., смотря по тому, чѣмъ увлекалась madame Батькова. Это была сухая, тонкая, какъ жердь, женщина съ лицомъ, съ которого никогда не сходило выраженіе брюзгливости, мнящая о себѣ очень много, признающая только серьезные темы въ разговорѣ и всегда увлекающаяся чѣмъ-нибудь: то театромъ, то археологіей, то новѣйшей философіей или исторіей ваянія въ XVIII вѣкѣ. Теперь она увлекалась декадентствомъ и изучала Блока, Андрея Бѣлага, Ремизова, Городецкаго и другихъ... Обыкновенныхъ смертныхъ она не жаловала и поэтому на Криницкаго, который пока былъ всего только врачомъ, не обращала никакого вниманія. Ея мужъ, прокуроръ окружного суда, не могъ говорить ни о

чѣмъ другомъ, какъ только оѣ своихъ служебныхъ дѣлахъ, и былъ страшный картежникъ, а Криницкій терпѣть не могъ карты.

Криницкій нѣсколько минутъ раздумывалъ: ъхать ли ему или не ъхать, и, наконецъ, рѣшилъ ъхать.

— Посмотрю, что тамъ будетъ за нѣлѣпость. Погляжу на нашихъ доморошеныхъ декадентовъ, что это за птицы...

Когда миловидная, вертлявая горничная, въ передней у Батьковыхъ, снимала съ него пальто, въ залѣ раздался звонокъ, и Криницкій поспѣшилъ туда скорѣй. Тамъ находилось человѣкъ тридцать народу. Криницкій поздоровался съ хозяйкой, кивнулъ головой двумъ-тримъ знакомымъ и усѣлся на свободномъ креслѣ въ глубинѣ зала.

Залъ освѣщался мистическимъ розово-фиолетовымъ свѣтомъ (навѣрно, нарочно къ этому вечеру были куплены на лампы соответствующіе абажуры). За столомъ, заваленнымъ книгами, брошюрами и какими-то бумагами, сидѣла сама хозяйка съ торжественно-серезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ; сбоку нея молодой человѣкъ съ прилизаннымъ лицомъ, съ прилизанными волосами, играющій, навѣрно, роль секретаря. Рядомъ съ нимъ стоялъ, подбоченившись и гордо поднявъ голову, какой-то лохматый субъектъ и мрачно подводилъ глазами.

— Ну, чего ломается?—подумалъ Криницкій. Противно... тошно...

— Можно начинать!—бросила хозяйка. Субъектъ взялъ со стопа объемистую рукопись и прочелъ:

„Самогрызеніе“.

И, кашлянувъ, загудѣлъ замогильнымъ голосомъ, съ выматывающими жилы взвизгиваніями и завываніями:

„Испуганное солнце поспѣшило скрыться. Черное, страшное, ехидное, коварное чудовище—ночь, спускается на землю. Оно неслышно—зловѣще приближается и ничто не въ состояніи преградить ему дорогу, никакія силы въ мірѣ. Проходить мнѣ немного времени, и оно уже здѣсь, тутъ...“

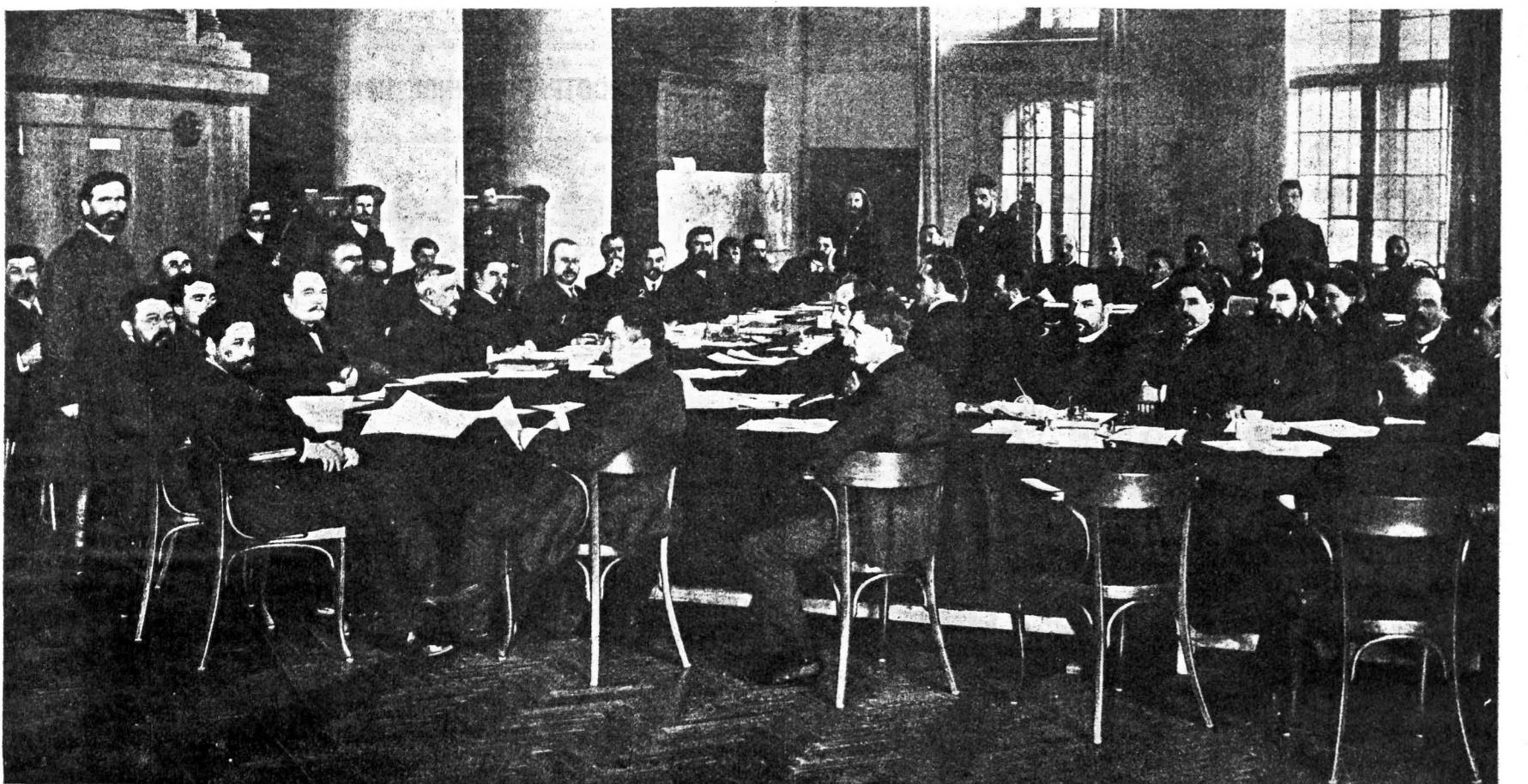
Свѣтъ исчезъ, и воцарилась тьма, покровительница всего злого, позорного, отаратительного. Все, любящее темноту и ненавидящее свѣтъ, колыхнулось.

Гады выползли изъ своихъ убѣжищъ. Показались мерзкія жабы, летучія мыши. Гіены вышли на добычу, завыли мучительно шакалы и черви, наполняющіе гробы, еще ожесточеннѣе, еще съ большимъ неистовствомъ, остервенѣніемъ и жадностью стали грызть своихъ мертвцевъ.

Всѣ паразиты человѣческаго рода вздохнули свободно.

Наступилъ моментъ для совершения страшныхъ злодѣйствъ и преступленій.

О, какъ зловѣщъ кажущійся покой и тишина ночи! Что можетъ быть злобѣщее ея!

Заседание земельной комиссии Государственной Думы.
Председатель М. В. Родзянко (1), докладчик С. Н. Шидловский (2).

— О-о-о-о! проклятая, пррреклятая! Тутъ онъ завопилъ такъ дико и не-лѣпо, что Криницкаго всего передернуло:

— Чортъ знаетъ, что такое. Прямо изъ сумасшедшаго дома. Но чего я сюда явился, на какого лядъ? Наслушаешься этой галиматьи и только взвинтишь себѣ нервы. Уже сейчасъ начинетъ голова разбаливаться,—эти дикія завыванія бываютъ мозгамъ точно желѣзные молотки.

Послышался шелестъ платья. Криницкий встрепенулся. Прямо къ нему шла молодая восхитительная блондинка въ бѣломъ платьѣ: стройная, съ голубыми искрящимися, дивно прекрасными глазами, смѣющаяся, жизнерадостная. Она сѣла рядомъ съ Криницкимъ и принялась внимательно слушать. И Криницкому показалось, будто въ комнатѣ сразу стало свѣтлѣй, будто бы на половину разсѣялся мистический розовато-фиолетовый свѣтъ. Онъ искаса принялъ ее наблюдать.

— Какъ внимательно слушаетъ, но какая иронія въ глазахъ... Ишь, ишь—зрачки такъ и прыгаютъ. Кто она? чего она здѣсь? Ужъ, конечно, она не изъ серии этихъ декадентовъ.

Онъ улыбнулся, ему показалась смѣшной одна мысль подобного сравненія.

— Тѣ похожи на какіе-то свинцовыегробы, а эта сама жизнь, полное олицетвореніе жизни. Взглянешь на нее, и по аналогіи вспоминается солнечный весенний день, голубое небо, цвѣты, птички. Просвѣтляется душа... Гм... Сейчасъ она вся одно вниманіе, боится проронить хоть одинъ звукъ. Даже немножко нахмурила побѣ... А какой у нея красивый высокий лобъ. Сразу видно, что она умная. Хотя форма лба ничего не можетъ говорить обѣ умъ, но у нея онъ особенный и такой лобъ вѣрный показатель ума...

Какъ кончится эта нелѣпость, непремѣнно заговорю стъ неї. Нѣтъ, значитъ, я пришелъ не напрасно, теперь не жалѣю.

— ... А я все продолжалъ грызть свою душу,—гудѣлъ ложматый субъектъ, все продолжалъ, вѣлившись въ нее зубами, какъ голодная собака. И чѣмъ больше грызъ, тѣмъ становился голоднѣй... А ночь шипѣла и зубы червей, грызущіе мертвцевовъ,—скрипѣли все громче, все неистовѣ и неистовѣ...

— Тыфу!—Криницкій чуть было не сплюнулъ, но во время сплюхнулся... Ну, и позма. Да скоро ли онъ ее кончить?

Листки мелькали за листками, а гудѣніе не прекращалось. Криницкій пробовалъ уже нѣсколько разъ считать до 1000, но каждый разъ, дойдя до 150—200, сбивался и начиналъ посыпать всевозможныя проклятия по адресу ложматаго. Соѣдка его сидѣла въ одной и той же позѣ, внимательно слушала, и Криницкій возмущался.

— Нашла что слушать... И неужели она меня не замѣчаетъ?

У него уже стрѣляло въ вискахъ, звѣло въ ушахъ и начинало рябить въ глазахъ. Вдругъ какій-то ревущій звукъ пронесся въ воздухѣ, и гудѣніе прекратилось. Раздались рукоплесканья, и ложматый субъектъ снисходительно закивалъ головой. Криницкій облегченно вздохнулъ.

— А вы, кажется, проскучали?—раздалось вѣдѣ. Криницкій быстро повернулся: на него смотрѣла блондинка, довѣрчиво улыбаясь.

— Да, долженъ сознаться... Страшно надѣла эта позма.

— Я видѣла, я слѣдила за вами.

— Вы?—удивился Криницкій.

— Я... Что-жъ тутъ особенного. Вы думаете, что если я смотрѣла на автора этой позмы—то вѣсъ не видѣла... Ха, ха, ха... Мало вѣ, значитъ, знаете женщинъ—

но... Но довольно... Слушайте! Явленіе второе.

На мѣстѣ ложматаго стоялъ блѣднолицый молодой человѣкъ, съ блуждающими глазами, дергающимися лицомъ, и держалъ въ дрожащихъ рукахъ тетрадку въ синей обложкѣ.

— «Мои стenanья»—прочелъ онъ. Символическая картина.

— И деревянной пилой меня стали перепиливать пополамъ. Гдѣ былъ я, кто были пилившіе меня, я не знаю, такъ какъ густой, липкій, зловѣштій мракъ, окутывалъ все кругомъ...

Криницкій не слушалъ теперь ужъ совсѣмъ. Онъ думалъ о своей сосѣдкѣ. Она его заинтересовала очень.

— Замѣчательно красива и оригинальна. Можетъ, помается. Нѣтъ... Видно, что все это искренно, и у неї такое открытое лицо. Въ такую скоро можно влюбиться. Но кто она? Я даже не спросилъ до сихъ поръ ея имени и отчества. Странное знакомство, въ высшей степени странное. Никакъ не предполагалъ, что у Батьковыхъ можетъ быть такая встрѣча. Замужемъ ли она? Ничего буквально не успѣлъ узнать. А все изъ-за этихъ сумасшедшихъ. И какъ она можетъ слушать ихъ нелѣпости... А какая восхитительная. Нѣтъ, положительно я способенъ влюбиться...

Она, замѣчая на себѣ его пристальные взгляды, поворачивалась къ нему нѣсколько разъ, улыбаясь, шутливо приказывала:

— Слушайте! Онъ тоже улыбался и отрицательно качалъ головой.

— Я буду лучше тобой любоваться, думалъ онъ. Ты красота, ты сама жизнь, а то—безобразно. Для чего жъ я стану красоту промѣнивать на безобразное? Было бы нелѣпо.

Снова раздались рукоплесканья; символическая картина окончилась.

— Ну, что? насладились?—иронически спросилъ Криницкій. Долго ли вы будете еще слушать? Минѣ бы хотѣлось поближе съ вами познакомиться, поговорить, а тутъ не дадутъ. Еще навѣроно десятка съ два ихъ выступить. Между прочимъ, я до сихъ поръ не спросилъ, какъ вѣсъ зовутъ.

— Антонина Владимировна. Этого, конечно, вѣсъ мало. Извольте — вполнѣ удовлетворю ваше любопытство.

Она стала рассказывать. Она сама изъ Москвы, здѣсь живетъ 3 года, замужемъ за горнымъ инженеромъ. Съ Батьковыми знакома уже давно—встрѣчались у общихъ знакомыхъ и сегодня нарочно пришла послушать декадентовъ. Пока не дѣлаетъ ничего, но съ будущаго года, если мужа переведутъ въ Петербургъ, поступить на женскіе курсы — на медицинское отдѣленіе. Они разговаривали... Криницкій одобрилъ ея предпочтеніе медицинѣ, заявилъ, что онъ тоже медикъ и теперь готовить диссертацию, страстно любить медицину и отдастъ ей всѣ свои силы.

Ихъ прервалъ звонокъ: выступалъ третій номеръ.

— Знаете что, они всѣ надоѣли мнѣ ужъ порядкомъ,—заявила Антонина Владимировна. Пойдемте лучше въ садъ — на свѣжій воздухъ.

— Ха, ха, ха! разсмѣялась Антонина Владимировна. Поззія!.. Скорѣй подальше.

И она выбѣжало на террасу. Криницкій послѣдовалъ за ней, и оба остановились у периль очарованные.

Ночь была такая чудная, такая великолѣпная. Небо горѣло тысячами огней, земля казалась посеребренной, и воздухъ какъ-то искрился и сверкалъ, что всегда бываетъ въ лунныхъ ночахъ. Онъ былъ такой мягкой, душстый—потому, что цвѣла черемуха, и какъ бы бархатистый. Такъ нѣжно ласкалъ лицо, шею, руки. Точно теплая вода.

И хотя, оттого, что земля не успѣла еще просохнуть, чувствовалась сырость, но это была весенняя сырость: особенная, имѣющая свою прелестъ. Садъ, теперь, ночью, при лунномъ освѣщеніи, казался фантастичнымъ дремучимъ лѣсомъ, манившимъ къ себѣ. Они стояли, и имъ оба хотѣлось, взявшись за руки, сбѣжать съ террасы и быстро понестись впередъ по аллеямъ, разрѣзая воздухъ.

— Какая чудная, какая дивная ночь!—прошептала Антонина Владимировна, а тѣ тамъ проклинаютъ ее... Слѣпые...

Очаровательная весенняя ночь. Я, кажется, могла бы здѣсь пробыть до утра и встрѣтить восходъ солнца. Я люблю природу, въ особенности, весной. Какъ весною жизнь хороша! Чувствуешь себя какъ-то восторженно, сильно чувствуешь свою молодость.

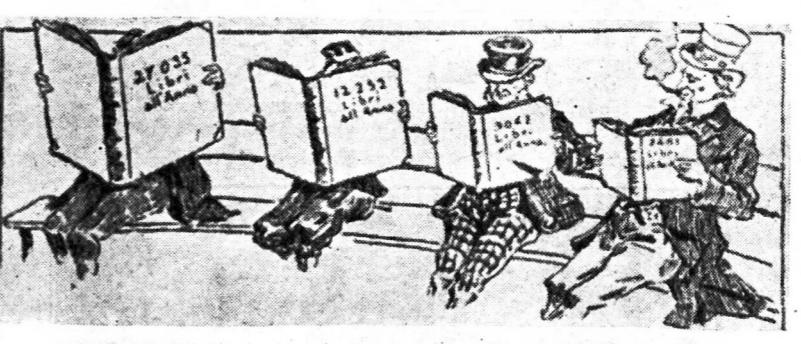
Антонина Владимировна, освѣщенная луннымъ свѣтомъ, походила на какое-то неземное райское видѣніе. Криницкій не сводилъ съ неї глазъ. Ему было такъ хорошо находиться здѣсь подѣня, любоваться ею, чувствовать ее близость, вѣдѣть ароматъ черемухи. Душа была полна самыѣ разнообразныхъ сладостнодивныхъ ощущеній. Жизнь казалась заманчивой—чудной сказкой. Забурлила молодость, страстно захотѣло жить, наслаждаться жизнью.

А чрезъ окна изъ зала проявился мистический розовато-фиолетовый свѣтъ, слышались дикие выкрики, грозныя проклятия и кощунственно врывались въ тишину ночи.

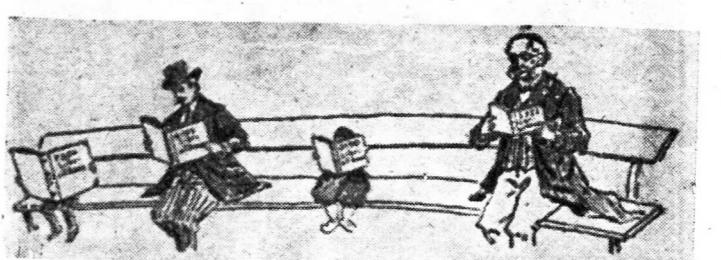
В. Дерзкій.

А. И. Южинъ,
извѣстный артистъ Малаго театра въ Москвѣ и
драматургъ, гастролирующий въ Харьковѣ.

Германія. Франція. Англія. Америка.

Швейцарія. Італія. Голландія. Австро-Венгрия.
Наглядное изображеніе отношенія между величиною народонаселенія
и количествомъ книгъ, печатаемыхъ въ данной странѣ.

— Съ удовольствиемъ!—радостно сказала Криницкій.

Они вышли въ коридоръ.

— Постойте, погодите, остановилась Антонина Владимировна, что тамъ у нихъ дальше. Одну секундочку.

— «Котъ»! раздалось въ залѣ.

Гибкоспинный,

Огнеглазый,

Жесткошерстый,

Темносѣрый —

Изогнувшись свою спину

Дугой —

Крался тихо,

Осторожно

И безшумно:

Мягколапый котъ

Въ тишинѣ,

Въ тишинѣ...

Такъ радостно, такъ весело звонять колокола.

— Бомъ, бомъ, бомъ!—звонятъ они. Весна, пришла весна! Радуйтесь єю. Все оживаетъ, все пробуждается... бомъ, бомъ!..

День такой свѣтлый, такой солнечный. Небо улыбается. Какъ тепло, какъ дышится вольно и сладко. На деревьяхъ листочки нѣжные, молоденкіе, свѣтло зеленые, а гдѣ только еще разворачиваются—выглядываютъ застынчиво своими краешками изъ подъ почекъ. Черемуха вся бѣлая, благоухающая. Она одѣлась въ вѣнчальное платье и кокетливо щурится подъ ласковыми солнечными лучами.

КОЛОКОЛА.

— Бомъ, бомъ, бомъ! — звонятъ колокола. Весна пришла!..

Мы съ нею сидимъ въ глубинѣ парка на скамейкѣ — мы молодые, жизнерадостные, такъ любящіе другъ друга — безконечно любящіе. Сидимъ, впившись глазами другъ въ друга, сливаюсь вмѣстѣ нашими душами, уносимые любовью, уносимые близостью — невыразимо счастливые... Вдругъ я страстно обнимаю ее, прижимаю крѣпло, крѣпло къ своей груди и покрываю поцѣлуйами:

— Люблю, люблю, люблю...

Она зажмуриваетъ глаза и замираетъ упоенная, зачарованная.

— Бомъ, бомъ, бомъ! — звонятъ колокола. Будьте счастливы, будьте счастливы!..

А я все цѣлую ее, цѣлую безъ конца мою единственную, ненаглядную, дивную, божественную. А потомъ вдругъ, въ порывѣ какогото странного энтузіазма, схватываю ее за руки и, встряхнувъ ими, начинаю восклицать:

— Я твой навсегда... Всегда буду тебя любить. Вѣчные времена... Только тебя одну. Клянусь собой, клянусь своимъ собственнымъ "я", что будешь такъ. Впрочемъ, прочь клятвы, ты выше всякихъ клятвъ! И ты мнѣ вѣришь — я вижу, а твоя вѣра для меня все... люблю...

— Ми-и-лый!.. О, счастье. Вѣчно будемъ любить другъ друга.

— Вѣчно!

— Никогда не разстанемся.

— Никогда!

— Всегда будемъ вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ. И вмѣстѣ будемъ бороться съ жизнью. Да, да, да! — мы вдвоемъ великая сила! — восклицаю я съ энтузіазмомъ. Мы бросаемъ ей вызовъ и смѣло и безстрашно пойдемъ. Она не страшна намъ. Мы будемъ преодолѣвать всѣ преграды, которые встрѣтятся намъ по пути, какъ бы это ни было трудно. Разъ мы вдвоемъ, намъ не страшно ничего. Съ гордо поднятыми головами будемъ идти все впередъ, впередъ, впередъ — съ гордо поднятыми головами, вдохновленными глазами и пылающими любовью сердцами въ груди. И какъ бы жизнь ни преслѣдовала насъ, какія бы козни она намъ ни строила — ей насъ не сломить!.. Наши головы никогда не склонятся передъ ней. Всегда будутъ гордо подняты, всегда будутъ гордо подняты!

Ей не восторжествовать надъ нами. Нѣмногимъ удается не подчиниться ей, но мы будемъ въ числѣ этихъ немногихъ. Мы вдвоемъ — ты и я!.. Дай твою руку. Вотъ такъ, взявшись за руки, мы и пойдемъ, не смущаясь ничѣмъ, не боясь ни-

А. Дунканъ,
по случаю гастролей ея въ Маломъ театрѣ.

Что мерещится визитеру къ концу визитнаго
дня.

чего: черезъ горы, черезъ лѣса, города, рѣки, моря. А если она станетъ пытаться остановить насъ, мы храбро дадимъ ей отпоръ. Пусть только осмѣлится!

— Пусть только осмѣлится! — повторяетъ она восторженнымъ голосомъ, впившись въ меня горячими глазами. Пусть только попробуетъ!.. Можетъ сколько угодно — намъ ея нечего бояться.

— Я сейчасъ вѣрю въ себя! — продолжаетъ я, — я сейчасъ чувствую въ себѣ великую силу, чудовищную силу. Самое невозможное сейчасъ для меня возможно. Кажется, землю могъ бы опрокинуть, если бы мнѣ дали рычагъ. Теперь я хорошо понимаю нашу гениальную народную аллегорію обѣ Ильѣ Муромцѣ, который сидѣлъ силнѣмъ "тридцать лѣтъ и три года", а потомъ пошелъ дѣлать чудеса. Да, да... Какъ хорошо сейчасъ — будто переродился. Необычайно хорошо!.. И легко. Почти не чувствуешь своего тѣла, словно внезапно выросли крылья. Вотъ взмахнешь ими и взовьешься надъ землей, какъ орелъ, со свистомъ разрѣзая воздухъ. Внизу останется все, а ты будешь летѣть все выше... выше... выше... въ необъятныя пространства, въ невѣдомыя страны. Туда, куда никогда не проникалъ ни одинъ человеческій взоръ, но гдѣ дивно, просторно, солнечно. Тысячи солнцъ и море ослѣпительного дивнаго свѣта. И въ этомъ свѣтѣ купаешься, купаешься... плаваешь... Эхъ!..

— Какъ хорошо, какъ хорошо! — восхищенно шепчетъ она. Чудно... Я зажмурила глаза, и мнѣ ужъ стало казаться, будто я лечу вонъ туда, туда — къ тому бѣлому облачку... Милый мой, какъ я люблю тебя!.. Какъ я счастлива!.. Такъ хорошо сейчасъ. И кажется, что все кругомъ только для насъ, и все намъ улыбается: и небо, и солнце, и деревья, и травка. Славныя, хотѣла бы обнять ихъ, хотѣла бы обнять весь міръ отъ счастья.

Она нѣжно прижимается ко мнѣ и кладетъ мнѣ на плечо свою головку, а я гладжу ея мягкие шелковистые волосы и цѣлую ее въ лобъ:

— Люблю, люблю...

Кругомъ сіяеть весенній день, благоухаетъ черемуха, оживленно щебечутъ птички.

И такъ радостно, такъ весело звонятъ колокола.

— Бомъ, бомъ, бомъ!.. Будьте счастливы, будьте счастливы!..

В. Унковскій.